

А. С. ПАНКРАТОВ

Философ-праведник

I

Был в Москве человек, о котором «великий писатель земли русской» говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с Николаем Федоровичем Федоровым».

Поэт Фет, передавая Федорову мнение о нем Толстого, прибавил от себя: «Много надо иметь духовного капитала, чтобы заслужить такие отзывы, ибо не знаю человека, знающего вас, который не выражался бы о вас в подобном же роде».

В письмах к ученику Н. Ф. Федорова, Н. П. Петерсону, Толстой называл Федорова «замечательнейшим человеком»¹.

Владимир Соловьев считал Федорова своим «учителем и отцом духовным», называл гениальным мыслителем. <...>

Впрочем, влияние Федорова на Владимира Соловьева надо понимать, как думает кн. Евг. Трубецкой, вовсе не в том смысле, что Федоров открыл Соловьеву новые горизонты.

«Проект Федорова просто и без всяких натяжек влился в широкий поток мысли Соловьева как новая, дополнительная струя и сочетался с ним в одно органическое целое»^{*2}.

Ф. М. Достоевский, когда Н. П. Петерсон послал ему рукопись одной федоровской статьи, заинтересовался ею и спросил Петерсона: «Первым делом вопрос: кто этот мыслитель, мысли которого Вы передали? Если можете, то сообщите его настоящее имя. Он слишком заинтересовал меня. <...>». <...>

В том маленьком кружке, в котором знали Федорова, называли его «великим» и даже «великим из великих».

Но широкой публике не известен ни сам философ, ни его мысли. Рукоплескали и зачитывались другими, а мимо Федорова про-

* Книга кн. Евг. Трубецкого «Мировоззрение В. С. Соловьева». Т. 1.

ходили, не замечая и даже не предполагая, что в скромной фигуре чиновника московского Румянцевского музея скрывался большой ум и удивительное сердце.

Федоров ничего так не боялся, как стать выше толпы. Умственный и нравственный аристократизм ему были противны. Преклонение перед великими и славными казалось ему издевательством над рядовым человечеством. Он прятался от известности, скрывал свои достоинства. Свои мысли высказывал анонимно и охотно уступал другим право на них.

Н. П. Петерсон рассказывает о своей попытке напечатать изложение учения Федорова. Федоров протестовал против этого, находя печатание несвоевременным, а самое учение — недостаточно развитым. В действительности, он просто хотел остаться в ряду неизвестных.

Уже после смерти его был напечатан под редакцией известного писателя по религиозно-философским вопросам В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона первый том «Философии общего дела». Так как Федоров считал величайшим святотатством торговлю мыслями, то 480 экземпляров издания первого тома были розданы редакторами даром (под условием — сообщить о произведенном книгою действии). Но второй том «Философии», вышедший в 1913 году, уже продавался на общих основаниях. Третьим томом, куда войдет последняя часть «Философии», сочинения Федорова будут закончены.

В силу своей скромности Федоров противился фотографированию. Нет его портрета. Друзья просили известного художника Л. О. Пастернака, который был близко знаком с Федоровым, нарисовать его украдкой. Пастернак рассказывал автору этих строк, как он ходил в публичную библиотеку, обкладывал себя книгами, делал вид, что читает, а сам изредка, чтобы не возбудить подозрения, кидал взгляды на Федорова и набрасывал его портрет. Этот набросок остался. Теперь Л. О. Пастернак намерен воспроизвести по памяти лицо Федорова и нарисовать большой портрет его для Румянцевского музея³. <...>

II

О московском периоде жизни Федорова сохранилось много сведений. Живы люди, близко знавшие его. Все они описывают Федорова как оригинальнейшего во всех отношениях человека.

Свою личную жизнь он построил на идеальных основаниях. В принципах своих он был проповедник жизни и враг аскетизма, а в личной жизни — аскет и бессребреник. Всегда углубленный в свои мысли, Федоров не давал никакой цены внешним удобствам жизни.

Занимал он маленькую за 6 руб. в месяц комнатку у кухмистера, спал на голом сундуке, подложив под голову что-нибудь. Кухмистер спрашивал друзей Федорова, посещавших его: «Он кушает у вас? У меня он ничего не берет».

Федоров мог питаться старым сыром, одним хлебом и чаем. Горячее кушанье он ел только в семье Кожевниковых, которую посещал по воскресеньям. Иногда друзья поселяли его где-нибудь под Москвой на лоне природы, нанимали ему комнату, просили хозяина давать на обед два блюда, покупали подушки и постель. Приезжали через неделю и находили комнату пустой: подушка и постель уже отданы кому-нибудь, и Николай Федорович спал на голом сундуке, а хозяин сообщал:

— Не велел давать два блюда, даю — одно...

В каморку к Федорову нередко заходил В. С. Соловьев. Однажды был там Л. Н. Толстой и сказал Федорову:

— Как хорошо, что вы устроили свою жизнь так!

— И вы можете так устроить, если захотите, — ответил Федоров. — Мне невозможно подняться до вашей жизни, а вам до моей — легко... <...>

Великого писателя поразила в Федорове его цельность и отсутствие противоречия между философией и жизнью. <...>

Костюм Федорова бросался в глаза. На нем всегда была надета какая-то драная «кацавейка», которая превращала Федорова в нищего. Известный в Москве букинист Проломных ворот А. А. Астапов однажды обидел Н. Ф., приняв его за человека, нуждающегося в материальной помощи.

«Вижу я старенького, седенького плешивого старичка, — рассказывал Астапов, — костюм на нем очень бедный, сапоги стоптанные, но книги он отбирает с полным знанием дела. Жалко мне его стало и я сделал ему предложение своей помощи, но он уклонился от моего великодушия. За ним шел Копп, служащий Румянцевского музея. Он как услышал мои слова, то сказал: “Что вы наделали? Он больше к вам не придет”. И рассказал мне, что какой-то меценат однажды дал Федорову привести в порядок библиотеку и когда Федоров исполнил работу, то меценат вручил ему пакет с 600 р. Николай Федорович отдал деньги назад и сказал: “Мне денег не нужно, я рад, что у вас видел редкие и хорошие книги”. И с тех пор к меценату ни ногой. Действительно, и у меня в лавке Федоров уже больше не был, хотя и сказал, что не сердит-ся на меня, так как виноват во всем его костюм...»

Федоров был добрый гений Румянцевского музея. «Под книгой, — говорил он, — кроется человек. Уважайте книгу из-за любви и почтения к человеку!» Он с горечью писал, что «в наше время уважение книги — фальшь, а презрение — действительность»⁴.

Однажды Федоров остановил внимание Толстого на книжных сокровищах Румянцевского музея. Толстой, как часто бывало с ним, ответил парадоксом:

— Мало ли пишут глупостей, следовало бы сжечь!

Федоров вскипел.

— Много я видел на свете глупцов, а такого еще не видал! — ответил он великому писателю.

Толстой был сконфужен.

Прекрасная память — награда старикам за целомудренную юность — давала возможность Николаю Федоровичу быть исключительным библиоманом и библиографом. Он знал как свои пять пальцев всю библиотеку Румянцевского музея, знал не только заглавия по каталогу, но был знаком и с содержанием книг.

К Федорову обращались за сведениями ученые Буслаев, Ровинский⁵ и др.

На свои крошечные средства Николай Федорович покупал книги, которых не было в музее, но которые спрашивал кто-нибудь из посетителей. Если требуемой книги не оказывалось в публичной библиотеке, Федоров справлялся, нет ли ее у кого-либо из знакомых ему специалистов или библиофилов, и просил доставить ее для пользования тому, кто ее спрашивал. Словом, это был в лучшем смысле учитель. Его воспитательная деятельность распространялась одинаково и на юношей, и на мужей зрелого возраста.

По воскресеньям в каталожную музей сходились много знакомых и друзей Федорова. Их влекла туда жажда побеседовать с этим оригинальным и глубоким умом. Библиотека превращалась тогда в ученый клуб и служила умственным центром Москвы. Формалистам это казалось серьезным нарушением правил и помехой для библиотеки. Не раз поднимался вопрос о воспрещении «клуба», но Федоров всякий раз отстаивал его. Он был готов даже ради пользы и удобства тружеников науки поставить на карту свое собственное служебное положение.

По вопросу об авторских правах, которые Федоров называл «продажей души», он неоднократно имел столкновение с Л. Н. Толстым. Вообще, отношения между этими двумя великими людьми не могли как-то наладиться. Толстой относился к Федорову нежно, с любовью. Федоров же занял роль обличителя Толстого. Его возмущали те противоречия, которые он находил в деятельности Толстого. Впрочем, сначала, несмотря на то, что в «Философии» Федоров и Толстой были всегда антагонистами и не сходились друг с другом по основным пунктам мировоззрения, — Федоров бывал у Толстого, когда последний жил в Москве. Но потом перестал бывать и объяснял это неловкостью, которую он чувствовал, когда видел Толстого и его жену и детей сидящими за разными обеденными столами. Федоров говорил Толстому:

— Вы травоядный, и я тоже могу есть траву. Но когда мы едим траву, то этим как будто обличаем ваших домашних, которые едят мясо, а ваши домашние обличают нас...

Он видел фальшь во всем этом и уклонялся от посещений дома, в котором ему чувствовалось не по себе. Но в библиотеке Толстой и Федоров встречались. Там между ними происходили иногда разговоры, ярко свидетельствовавшие о разности их жизни и взглядов. Федоров, сумевший устроить жизнь сообразно своим взглядам, подчеркивал те жизненные компромиссы, без которых Толстой был не в силах обходиться.

Так, отрицая собственность вообще, Лев Николаевич рукописи свои отдавал не Румянцевскому музею, как признавал правильным Николай Федорович, а своей супруге, в чем Федоров видел признание со стороны Толстого собственности.

Однажды Лев Николаевич пришел в каталожную к Николаю Федоровичу, а одновременно с ним Софья Андреевна привезла сундучок с автографами Толстого для сдачи на хранение в Румянцевский музей.

Федоров в присутствии В. С. Соловьева, И. М. Ивакина, Георгиевского и Д. П. Лебедева стал укорять Толстого. Лев Николаевич был этим смущен и ответил следующее:

— Тут я ничего не могу поделать. Я не могу взять назад свое слово. Все свои автографы я подарил Софье Андреевне, и это — ее собственность⁶.

В своих статьях Федоров называл Толстого «гордецом, фарисеем, наполненным ядом и злобой»...

«В лице Толстого, — говорил Федоров, — у нас есть философ мрака, проповедник недумания и неделания, движения в неизвестное, не признающий действительного воскресенья и довольствующийся символическим, лицемер, возбуждающий смуту под видом непротивления злу»⁷.

III

Ученый спрашивает: что нам думать? Неученый — что нам делать? Н. Ф. Федоров отдает предпочтение неученому, у которого — детское, не затемненное понимание, а на ученых и интеллигентов он обрушивается с резкой критикой. У ученых вера только представление, а у простых людей она неотделима от знания и дела.

Те пути, которыми шла до него философия, Н. Ф. осудил.

— Философия несостоятельна, если она есть мысль без дела. Мыслить и только мыслить вовсе не достоинство и не заслуга. Вера и любовь мертвы без дел.

Все отвлеченное, что было провозглашено ложной философией, истинная философия должна обратить в видимое, осязательное.

Такое превращение мыслимого в действительное есть дело всех людей, а не одного «ученого сословия». Это дело реальное, нравственное и религиозное.

— Мы стали философствовать от излишнего самомнения. Теперь мы должны философствовать ради нашего спасения⁸.

Федоров спустил с облаков философию. Свои книги он называл «Философией общего дела»⁹, причем заявил, что это — вовсе не философия, как привыкли мы понимать, а призыв, обращенный ко всем смертным, призыв к исполнению заповеди Христа¹⁰.

«Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа»¹¹.

Победа над природой должна вести людей к воскрешению всего умершего человечества. Так как умершие умерщвлены природой, то естественно, что человечество, когда победит природу и научится ею управлять, первым долгом воскресит всех своих умерщвленных предков. У людей должна быть повинность всеобщего возвращения жизни. Тем более что полнота знания (знание всех миров) возможна лишь для всего ряда поколений воскрешенных и ставших познающими. Только братский союз живущих и воскрешенных даст человечеству ключ к управлению Вселенной.

Отсюда христианство, по мнению Н. Ф. Федорова, есть объединение живущих для воскрешения умерших. Оно должно из пассивного ожидания страшного суда и всеобщей гибели обратиться в активное, деятельное — в дело спасения людей от всеобщей гибели. Полное освобождение от грехов, унаследованных от отцов, совершится через воскрешение отцов. Федоров не допускал неизбежности кончины мира и страшного суда. Все произойдет в зависимости от того, останутся люди в теперешнем состоянии вражды или, объединившись, станут орудием воли Божьей в деле обращения разрушительной силы в созидательную.

Бог ничьей гибели не желает. Наоборот, Он хочет «всем чело- векам спастися». Если люди исправятся, ни суда, ни кончины не будет. Люди победят смерть и будут в братстве жить вечно. Если не исправятся, то совершится суд и кончина: грешные будут отделены от праведных. Блаженство же праведных, — говорил ядови- то Н. Ф., — будет состоять в том, что они будут созерцать муки своих ближних...

IV

Вопрос о «воскрешении умерщвленных» — самый неясный в философии Федорова. <...>

— Воскрешение знаменует, — говорит он, — полноту жизни умственной, нравственной и художественной, тогда как отрицание воскрешения обращает науку в служанку купцов и фабрикантов,

искусство обрекает на изображение мертвых подобию, а нравственность — на безусловный эгоизм.

Но, несмотря на все это, учение о воскрешении многими считается «ахиллесовой пятой» философии Федорова. Разрушая христианский мистицизм, он не дает своего ясного мирозерцания. Кн. Евг. Трубецкой отделяет в этом учении «светлую веру во всеобщее воскресение, как жизненную задачу» от «рационалистического юродства мысли, непонятого стремления совлечь с воскресения покров тайны, наивной веры в естественные, научные способы победы над смертью»¹². Но во всяком случае, нельзя не признать в этом учении грандиозного полета творческой мысли Федорова. Ценно, что это не дерзость атеиста, а логический вывод человека, верующего в Бога. И с этой стороны попытка Федорова представляет глубочайший интерес. Позитивизм и материализм незнакомы с мыслями Федорова. Он — философ будущего. Но когда материалисты усвоят федоровское учение, они оценят, что не было более смелой и гениальной попытки разрушить мистицизм в ограде его жилища...

V

Сейчас человечество истощает тот корабль (землю), на котором едет, и не умеет ни ремонтировать его, ни управлять движением. Но истинного познания своего корабля род человеческий достигает лишь тогда, когда человек освободится от крепостной зависимости от земли и когда получит возможность перемещаться в междупланетной среде, а такая возможность предполагает способность воссоздать себя из первоначальных элементов. Полное знание всех миров только тогда будет достигнуто, когда ряд поколений разумных существ, последовательно существовавших, станет разумом одновременно существующих миров.

Федоров ставит, таким образом, человечеству грандиозную вселенскую задачу. Но вместе с этим он кладет и первую дощечку на этом пути к идеалу. В программу познания сил природы он ставит регулирование метеорологических явлений, от которых зависят урожаи хлеба, а также, по всей вероятности, и поварные болезни, поветрия, распространяемые, как предполагает Федоров, воздушными токами. Господство природы над человеком выражается во всеземном кризисе, вызванном расстройством метеорологического механизма. Когда для роста хлеба бывает нужен дождь, часто наступает засуха, и наоборот: земледельцу нужно ведро, а льет дождь. Капризы слепой природы сводят на нет все усилия человека. Необходимо научиться регулировать атмосферные явления, заменить теперешний слепой процесс сознательным.

Метеорологическая регуляция не мечта, не фантазия. «Если бы наша интеллигенция, — говорит Федоров, — занялась ею, то не допустила бы пролетариата в России, а другим странам указала бы путь и способ от него избавиться без насилия и кровопролития». Еще Менделеев говорил, что «не существует никакой невозможности в вызове дождя при помощи взрывов, производимых на некоторой высоте в атмосфере; наблюдения говорят нам о случаях битв, сопровождавшихся грозами и дождями. После взрыва Московского Кремля Наполеоном полил дождь, который залил произведенный взрывом пожар, а после этого температура понизилась до 23 градусов ниже нуля по Реомюру, т. е. наступил крещенский мороз, хотя это было в первой половине октября. Словом, многое говорит за то, что есть связь между атмосферными явлениями и взрывами. А если так, то человек может открыть способ регулировать и распределять запасенную в атмосфере влагу и таким путем предотвращать неурожай»¹³.

Принятием регулирования, наконец, разрешается социальный вопрос, уничтожается без всякого насилия пролетариат и устраняются все бедствия нашего времени. Такова благодетельность первого шага человечества в деле познания природы.

Способ вызывания дождя может быть проверен только через посредство войск. Правительству надо вменить в обязанность войскам производить метеорологические наблюдения как в военное время, так и в мирное — на учениях и маневрах. А так как войны станут невозможны при успешности исследования, то войско естественным путем выродится в средство исследования.

Весь процесс войны, как равно производства и торгова, составляет одно целое, порочное и злое во всех своих частях дело. Вооружает войско наука, и ее можно было бы назвать злою, если бы она сама не была служанкою купцов и фабрикантов, если бы она сама не была порабощена. Нужно умиротворение, но вовсе не в том духе, как учит Толстой, что надо отказаться от военной службы и от ружья. Умиротворение само по себе не раскрывает тайны бытия и целью существования быть не может. Неделание зла, воздержание от лишения жизни не может быть целью. Во имя чего будут воздерживаться от истребления сыны отцов, столько зла совершивших, если это истребление стало их второю природою?

Сутнер, Толстой и Стэд¹⁴ думали, что стоит только энергичнее взяться за проповедь: «бросьте оружие», — и оно будет брошено. Нельзя уничтожить силы, употребившиеся на войну, не дав им иного назначения. Мир невозможен так же, как невозможно бездействие: человек — существо деятельное и не может не делать, а если не знает, что должно делать, будет делать недолжное.

Надо воинскую повинность взаимного истребления, как выражение зависимости рода человеческого от слепой силы, обратить в

повинность всеобщего возвращения жизни. Войско не распускать следует, а увеличивать, все человечество должно стать под «красную шашку». Оружие надо не бросать, а усовершенствовать и усиленно продолжать работать над взрывчатыми веществами. Но и войску, и оружию надо указать одну цель — метеорологические наблюдения. *Военное дело должно быть обращено исключительно в изучение природы.*

Федоров рисует грандиозный проект нового общественного устройства сообразно с указанной им задачей человеческой жизни. Превращение воинской повинности в изучение природы выдвигает на первое место село и требует обращения городов к сельской жизни. Только при сельском земледельческом труде и возможно активное познание слепой силы природы. Из промышленности он оставлял только кустарную, как близкую к селу и чистую в нравственном смысле. Все учреждения мира — судебные, административные и всякие другие — должны быть обращены в ученые общества с одной функцией — исследования природы.

На кладбище села, у могил отцов, должны быть выстроены храм-музей и храм-школа, а уж кругом них должны строиться жилища. Храмы стоят в кольце полевых укреплений, которые снабжены змеем-громоотводом или громоотводом на аэростатах углеродо-водородных¹⁵. При Федорове не было еще аэропланов, и он не знал о них, иначе развил бы свой проект в применении к новейшей авиации. Об аэростате же он говорил потому, что знал о проекте В. Н. Каразина¹⁶, который проектировал поднятие громоотвода в верхние слои атмосферы на воздушных шарах в видах извлечения оттуда грозовой и дождевой силы. Кроме того, по проекту Федорова кладбищенские укрепления должны быть снабжены орудиями, заряжающимися сильными взрывчатыми веществами, для привлечения дождя. Постоянные артиллерийские маневры вооруженного народа дополняют картину, нарисованную Федоровым.

Для всего этого недостаточно одного русского войска. Необходим союз всех народов <...>. Тут почва для братства народов, братства по необходимости, в силу единства выполняемой задачи.

В нашем небольшом очерке мы лишены возможности дать стройную и полную картину миросозерцания Федорова. Ограничиваемся только поверхностным указанием на основные принципы его учения и отсылаем читателя к его трехтомной (третий том скоро выйдет) «Философии общего дела». К сожалению, нет систематического изложения учения Федорова, но тот, кто внимательно прочтет «Философию», усвоит систему этого замечательного человека, верившего в грандиозную победу человеческого ума и ему одному вручавшего устройство царства Божия на земле. В нашем изложении федоровское учение далеко не полно. В действительности, нет такого вопроса религии, нравственности и философии,

который бы не был освещен этим величайшим мыслителем с точки зрения его основной идеи.

Философия Федорова займет крупное место в мировой философской мысли. В ближайшем будущем она, несомненно, найдет и своего систематизатора и популяризатора.

VI

Н. Ф. Федоров часто посещал православную церковь. Исповедовался, причащался. Его видели в Успенском соборе в состоянии молитвенного экстаза¹⁷. А. А. Астапов часто встречал его в храме Христа Спасителя. Сердцем Федоров был православный. Но философский ум его подрывал фундамент церковного православия, поэтому в православии он останется — еретиком.

Так называют его и сейчас уже те церковные богословы, которые знакомы с его учением. Если бы при жизни он был популярен, то ему едва ли удалось бы избежать обычного в настоящее время «отлучения». Но Федоров не боролся с духовенством, как боролся Толстой. Наоборот, в свои будущие реформированные села он посылал вместе с учителями, военными инструкторами и священниками.

Школы и музеи он хотел учредить непременно при храмах. Православие он считал высшим выражением религии. Он не уничтожил ничего существующего, как делал Толстой, но в старые мехи вливал новое вино. Во все вкладывал свое содержание. Так, для православия и для самодержавия он ставил одну задачу — войну со слепой силой природы посредством изучения природы. Тогда, — говорил он, — и только тогда православие сделается истинно универсальным, примирит и объединит все существующие религии. Федоров отдает дело спасения людей именно православию, которое, по его мнению, скорее и лучше других христианских вероисповеданий может объединить людей. Но своей верой в научные способы спасения Федоров совершенно уничтожает существующее православие, так как зачеркивает весь его мистицизм: монашество, евхаристию и все таинства, силу божественной благодати и т. п.¹⁸ Ту же операцию обновления Федоров производит и с самодержавием. Ему он также поручает дело спасения, но мыслит по-своему: самодержавие должно вносить, по его мнению, объединение власти не над себе подобными, а над слепыми силами природы.

Россию Федоров считал наиболее подходящей страной для метеорологических опытов, а Третий Рим — Москву призывал начать дело объединения сынов человеческих.

Идея Федорова была плодом всей его долгой жизни. Она не пришла к нему сразу, путем озарения, а вырабатывалась из зерна, за-

роненного в его душу еще в ранней молодости, путем непрерывной, громадной умственной работы и подвижнической жизни. Поэтому его идея была его жизнью, его «плотью и кровью». Убежденность его, построенная на ясных логических основаниях, была тверда как камень.

Когда слепая природа приговорила своего закоренелого врага, Федорова, к смертной казни и он умирал в Мариинской больнице, к нему, как когда-то к Сократу, приходили люди, идейно ему близкие, чтобы выслушать последнее слово.

«Умерщвляемый» старец лихорадочным взором скользил по толпе, стоявшей около его смертного одра, и говорил... Не о болезни, не о себе, а о своей идее, остающейся после его смерти одинокой и бесприютной. Говорил о прекрасном будущем «христианского сыновства», когда все люди исполнят наконец волю Творца земли и, объединившись, победят слепую природу и смерть...

